

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1887.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЕМНАДЦАТИ ТАБЕЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 лин., № 12.

1888.

постоянно требовало отмены этого правила и Менгли-Гирей въ отвѣтъ своемъ русскому посланнику Шейну въ 1487 году говорилъ (стр. 74): «а прикажу еще о томъ къ брату своему великому князю своими послы, чтобы къ турецкому послалъ, и о томъ *зауморщины* бы его людямъ не было, а надѣюся, что *зауморщину* оставитъ». Поэтому и въ наказѣ, данномъ Плещееву, отправленному въ 1496 году къ турецкому султану Баязиду, ему велѣно было говорить (стр. 232 и 233): «также бы и гости наши межъ насъ на обѣ стороны изъ нашихъ земель въ ваши земли, а изъ вашихъ земель въ наши земли ходили безъ всякихъ зацѣпокъ, одну бы тамгу платили, а *зауморщину* бы, ни иные силы никоторые *имъ не было*». Но султанъ отвѣтилъ, что половина имущества умершаго должна быть отдана *зауморщикамъ* (ib. 245 и 248).

Порядокъ этотъ существовалъ въ Турціи очень долго и отмененъ торговымъ трактатомъ съ Россіею 10 іюня 1783 г. (П. С. З. т. XXI, № 15757) въ ст. 8, которою постановлено: «Послѣ смерти російскаго подданнаго, имѣніе и пожитки его, до которыхъ никому не касаться, вручаемы быть должны исполнителямъ духовной его; ежели же онъ безъ завѣщанія умретъ, имѣніе его имѣть быть отдано чрезъ російскаго консула на сохраненіе одноземцамъ его; въ чемъ офицеры Порты, учрежденные надъ казенными доходами и надъ имѣніемъ чужестранныхъ умершихъ¹⁾ безъ наслѣдниковъ, никакого затрудненія дѣлать не должны и въ этомъ отнюдь не слушаться»²⁾.

Д. Кобено.

Разсказъ Жилала ас-Сâби о взятіи Бухары Вограханомъ.

Всѣ изслѣдователи среднеазиатской исторіи единогласно жалуются на скудость и сбивчивость свѣдѣній, сообщаемыхъ восточными авторами объ исторіи тюркской династіи, властвовавшей надъ Мавераннагромъ въ теченіе V и VI столѣтій гиджры и замѣнившей въ немъ Саманидскую³⁾. Настоя-

1) Les officiers du fisc et des droits d'aubaine.

2) Въ турецкомъ текстѣ въ этомъ мѣстѣ стоитъ *بو بایده قساملر و بیت المالچیلر* *بر درلو محالفت وبر وجهله مناخله ایلیمه لر*. Выраженію «officiers du fisc et des droits d'aubaine» такимъ образомъ соответствуютъ слова *кассамлар* и *байт-ал-малджилар* (т. е. завѣдывающіе *байт-ал-малемъ*). [В. Розенъ.]

3) Ср. В. В. Григорьева, Караханиды въ Мавераннагрѣ по «Тарихи Мунеджимъ-Баши». Спб. 1874 (Труды Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. ч. XVII, стр. 191), Dorn, Die Münzen der Bek-Chane въ Mélanges Asiatiques, v. VIII, p. 703 и сл., гдѣ указана вся литература предмета.

шая замѣтка имѣеть цѣлью указать на сочиненіе, которое по всей вѣроятности будетъ признано за одинъ изъ наиболѣе важныхъ источниковъ для перваго періода исторіи названной династіи, если когда-нибудь удастся отыскать полный экземпляръ его. Я разумѣю лѣтопись *Хилала Сабэйца* (Хилалъ-ас-Саби, *هلال الصابي*), которая служитъ продолженіемъ лѣтописи другаго Сабэйца, дяди Хилала, *Сабит-ибн-Синана*. Исторія Хилала обнимала годы гиджры 363—447 (973—1055). Отзывы и свѣдѣнія мусульманскихъ авторовъ, какъ о выдающихся достоинствахъ трудовъ Хилала и его дяди, такъ и о жизни обоихъ писателей, приведены съ надлежащей полнотой Д. А. Хвольсономъ въ: *Die Ssabier und der Ssabismus*, St.-P. 1856, v. I, p. 569—577 и 606—610. Въ новѣйшее время барону А. Кремеру удалось въ одной безымянной рукописи герцогской бібліотеки въ Готѣ узнать сочиненіе Хилала *كتاب الايمان والامائل* и приводимыя Кремеромъ въ его превосходной монографіи о бюджетѣ халифата за 306 г. г. ¹⁾ интереснѣйшія извлеченія изъ этого сочиненія вполнѣ подтверждаютъ лестные отзывы о трудахъ Хилала арабскихъ писателей. Но кромѣ этого новооткрытаго сочиненія Хилала, до насъ дошелъ также и отрывокъ изъ его лѣтописи, къ сожалѣнію весьма небольшой, обнимающій только исторію *трехъ* лѣтъ, т. е. 390—392 годовъ гиджры (= 1000—1002), и то не вполнѣ. Онъ хранится въ Британскомъ музеѣ (Cod. Add. 19, 360) и краткое описаніе его помѣщено въ каталогѣ музея (Catal. Codd. Mus. Br., II, p. 426^b). Эту рукопись я имѣлъ въ рукахъ въ 1879 году и тогда же сдѣлалъ изъ нея нижеслѣдующую выписку о взятіи Бухары войсками Богра-хана. Хилалъ ссылается на слова современнаго этому событію купца *Абу-л-Хусейн-ибн-ал-Яса*^c, которыя ему были переданы *Абу-л-Хусейн-ибн-Зирекомъ*. Рассказъ купца крайне любопытенъ въ томъ отношеніи, что даетъ намъ ясное указаніе на огромное вліяніе, которое имѣли въ Бухарѣ въ то время мусульманскіе святыя мужи—по нынѣшнему *шайханы*—на массу населенія. Что-же касается того обстоятельства, что нашъ купецъ самое взятіе Бухары приписываетъ не *Илекъ-хану*, а Богра-хану, который по другимъ источникамъ умеръ еще въ 383 или 384 году, то мы можемъ допустить ошибку памяти у нашего купца, хотя при сбивчивости вообще нашихъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ ошибка легко можетъ быть признана также и за другими источниками (Ибн-ал-Атиромъ, Утбѣ и пр.). До открытія новыхъ источниковъ придется отложить рѣшеніе этого вопроса.

1) Ueber das Einnahmebudget des Abbasiden-Reiches vom Jahre 306 H. (918—919) von A. Freiherrn von Kremer. Wien 1887 (Denkschriften der philos. hist. Classe d. k. Akad. d. Wiss. Bd. XXXVI).

Въ заключеніе замѣчу еще, что я не могу утверждать положительно, чтобы приводимый ниже отрывокъ содержалъ всё, что въ рукописи Британскаго музея есть по части исторіи Бухары и Караханидовъ. Когда я пересматривалъ рукопись въ 1879 году, я искалъ не извѣстій о Караханидахъ, а о византійской исторіи и списалъ рассказъ о взятіи Бухары только потому, что онъ мнѣ показался чрезвычайно характернымъ образчикомъ разлада между официальнымъ мусульманскимъ духовенствомъ (если можно такъ выразиться) и неофициальными «святыми мужами» и вліянія сихъ послѣднихъ на народныя массы, вліянія, которое далеко не вездѣ и далеко не всегда было столь сильнымъ, какимъ оно является въ нашемъ рассказѣ. — Но если въ отрывкѣ исторіи *Хилала*, сохранившемся въ рукописи Брит. музея, и дѣйствительно нѣтъ болѣе свѣдѣній о Караханидахъ, то таковыя безъ всякаго сомнѣнія нашлись бы въ изобиліи, если бы удалось найти полный экземпляръ его лѣтописи. Пожелаемъ-же, чтобы былъ найденъ въ близкомъ будущемъ этотъ драгоценный памятникъ исторической арабской литературы. Отрывокъ о взятіи Бухары находится на л. 91^а и 91^б рукописи Брит. музея и гласитъ такъ въ текстѣ и переводѣ:

وفي هذا الشهر [أى فى ذى القعدة ٣٩٠] ورد الخبر بان بغرا خاقان قصد بخارا واستولى عليها ودفع ولد ابى القاسم نوح بن منصور عنها وحدثنى ابو الحسين بن زبير قال حدثنى ابو الحسين بن اليسع التميمى الفارسى وكان من اعيان التجار قال كنت ببخارا حين وردت عساكر الخانية فصعد خطباء السامانية الى منابر الجوامع واستغفروا الناس وقالوا عن السامانية قد عرفتم حسن سيرتنا فيكم وجيل صحبتنا لكم وقد اظلمنا هذا العدو وتعبن عليكم نصرنا والمجاهرة دوننا فاستخبروا الله تعالى فى مساعدتنا ومضافتنا واكثر اهل بخارا حلة سلاح واهل ما وراء النهر كذلك فلما سيع العوام ذلك قصدوا الفقهاء عندهم واستغفروهم فى القتال فمنعوهم منه وقالوا لو كان الخانية ينازعون فى الدين لوجب قتالهم فاما و المنازعة فى الدنيا فلا فسحة لمسلم فى التغرير بنفسه والتعرض لاراقة دمه وسيرة القوم جميلة واديانهم صحيحة واعتزال الفتنة اولى فكان ذلك من اقوى الاسباب فى تلك الخانية وهرب السامانية وانقراض ملكهم ودخل الخانية بخارا فاحسنوا السيرة ورفقوا بالرعية ،

т. е. Въ этомъ-же мѣсяцѣ (Зу-л-Ка'да 390 = октябр. 1000) пришло¹⁾ извѣстіе о томъ, что Богра-хаканъ отправился въ Бухару и завладѣлъ ею и выгналъ оттуда сыновей Абу-л-Касим-Нух-ибн-Мансѹра. Рассказалъ мнѣ Абу-л-Хусейн-ибн-Зирекъ, говоря: мнѣ рассказалъ Абу-л-Хусейн-ибн-ал-

1) Въ Багдадѣ.

Яса́-ал-Темйми-ал-Фáрисн — а былъ онъ изъ знатныхъ купцовъ — говоря: Я былъ въ Бухарѣ, когда пришли войска ханскія. И взошли тогда хатибы (проповѣдники) Саманидовъ на каедры соборныхъ мечетей и возбуждали народъ къ борьбѣ и говорили отъ имени Саманидовъ: «вы вѣдь знаете, какъ мы хорошо съ вами обращались и какъ мягко мы къ вамъ относились. И угрожаетъ намъ теперь этотъ врагъ и вамъ теперь надлежитъ помогать намъ и сражаться за насъ. Просите-же Бога, чтобы онъ благословилъ васъ въ дѣлѣ оказыванія намъ помощи и поддержки». Жители Бухары большею частью носятъ оружіе, какъ и (вообще) обитатели Мавераннагра. И когда люди услышали это, то они пошли къ тѣмъ, которые у нихъ считались факи́-хами (законовѣдами)¹⁾ и просили ихъ фетвы относительно того, сражаться-ли имъ. Но тѣ запретили имъ это, говоря: «если бы Ханиды препирались (съ Саманидами) изъ-за религіи, то сражаться съ ними было бы обязательно. А когда борьба идетъ изъ-за благъ сего міра, то не позволено мусульманину губить себя и подставлять себя для убіенія. Образъ жизни этихъ людей (т. е. Ханидовъ) прекрасный и вѣра ихъ безупречна, и (поэтому) лучше воздержаться (отъ всякаго вмѣшательства)». И было это одной изъ главныхъ причинъ захвата власти Ханидами и бѣгства и паденія Саманидовъ. И вступили Ханиды въ Бухару и вели себя прекрасно и были милостивы къ народу.

Бар. В. Розень.

Pāṇini I. 4. 79.

Въ примѣчаніи на эту сѣтру Бѣтлингъ (Pāṇini's Grammatik) ссылается на Вжраччхедика (Anecdota Oxoniensia. 1. 35, 10. 42, 7), а на стр. 477 говорить: Dr. H. Wenzel macht mich darauf aufmerksam, dass उपनिषद् an den angegebenen Stellen im Tibetischen durch Ursache wiedergegeben wird. Оба выраженія цитируются въ Махāvјутпатти 223, 15, и въ тибетскомъ текстѣ переводятся словомъ «причина». Ясомитра толкуеть उपनिषद् также точно: डुःखोपनिषच्छ्रद्धा डुःखमुपनिषद्स्याः सेयं श्रद्धा डुःखोपनिषत् । डुःखहेतुकेत्यर्थः (абхидхармакоśавјакхјá, л. 47). Пáлійское upanisa, съ чѣмъ сравнивается उपनिषा (Sukhavativyūha. 31, 9) имѣетъ также значеніе «причина». См. Childers, s. v. и срв. Weber, Indische Streifen, III, 400.

И. Минаевъ.

1) Это и есть очевидно тѣ святыя мужи, *ишаны*, которые почитались народомъ за истинныхъ представителей правовѣрія. Они безъ сомнѣнія преслѣдовались официальными муллами какъ еретики и столь-же несомнѣнно были подкуплены Караханидами.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1896.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1897.

слѣдуетъ несомнѣнно считать установленнымъ, въ тибетскомъ чтеніи? Переводчикъ приписываетъ общепринятое произношеніе санскритскихъ словъ южнымъ идійцамъ, на какомъ основаніи не знаемъ, и считаетъ, что тибетское произношеніе «то же имѣетъ за собой основаніе» (стр. 57, прим. 1).

На стр. 58-й переводчикъ по поводу словъ «Барата, Спиду и другіе Перенгэ», замѣчаетъ, что авторъ подъ словомъ Перенгэ разумѣетъ европейцевъ. Не вѣрнѣ ли видѣть здѣсь Aраgāntaka? Стр. 59, прим. 1 kulīca просто синонимъ vajra.

С. О.

242. Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи. Подъ редакціею Е. Т. Смирнова. Ташкентъ 1896. 212 стр. 8°.

243. Средне-азиатскій Вѣстникъ. Научно-литературный журналъ. Ташкентъ. 1896. Мартъ: 63+78 стр. 8°. Апрель: 131 стр. 8°. Май: 112 стр. 8°. Июнь: 109 стр. 8°. Июль: 110 стр. 8°. Августъ: 108 стр. 8°.

Среднеазиатская окраина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣлаетъ повидимому болѣе быстрые культурные успѣхи, чѣмъ другія наши азиатскія владѣнія. Своего мѣстнаго научно-литературнаго журнала на русскомъ языкѣ пока не имѣютъ ни Кавказъ, ни Сибирь, ни Амурскій край.

Одному изъ самыхъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Евгенію Тимофѣевичу Смирнову, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ созданія въ центрѣ Туркестана перваго въ русской Азіи научно-литературнаго журнала «Средне-Азиатскій Вѣстникъ», шесть книжекъ котораго, за мѣсяцы мартъ по августъ ¹⁾, лежатъ передъ нами. Вслѣдствіе нѣсколько запоздавшаго разрѣшенія, первая книжка вышла въ мартѣ; взамѣнъ книжекъ за январь и февраль выданъ подписчикамъ сборникъ статей «Средняя Азія».

Задача журнала по заявленію редактора «заключается въ томъ, чтобы путемъ собранія научныхъ данныхъ, группировки фактовъ, и здравыхъ, безпристрастныхъ сужденій по вопросамъ текущей жизни, а также яркими, живыми картинами своеобразной жизни мѣстнаго населенія, какъ пришлаго, такъ и туземнаго, дать читателю вѣрное и отчетливое представленіе о Сред-

1) Въ видѣ «Приложеній» къ книжкамъ за мартъ, апрѣль, июль напечатаны Протоколы засѣданій Туркестанскаго Кружка Любителей Археологій, за май — статья М. А. Терентьева «Мусульманское лѣтоисчисленіе», за июнь и августъ — статья А. Е. Пулло «О культурѣ винограда въ г. Ташкентѣ и его окрестностяхъ». Къ свѣдѣнію г-на Терентьева замѣчаемъ кстати, что къ извѣстнымъ сравнительнымъ таблицамъ мусульманскаго и христіанскаго лѣтоисчисленія Вюстенфельда въ 1887 г. издано продолженіе въ томъ же форматѣ, доходящее до 1500 года гиджры (нач. 28-го ноября 2076 г.).

ней Азіи», а въ программу его входятъ: 1) Научныя статьи, касающіяся Средней Азіи по всёму отраслямъ знанія, преимущественно по исторіи и археологіи, географіи и топографіи, статистикѣ и этнографіи, 2) Статьи по торговлѣ и промышленности Средней Азіи, 3) Беллетристика, 4) Мѣстное обозрѣніе, 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Библіографія и 7) Объявленія. Задача, какъ видитъ читатель, весьма симпатичная и программа вполне цѣлесообразная.

Трудность осуществленія этой программы несомнѣнно очень велика и если принять во вниманіе всё обстоятельства, то надо признать, что редакция, судя по вышедшимъ до сихъ поръ книжкамъ, заслуживаетъ искренней благодарности всёхъ интересующихся нашей среднеазиатской окраиной, и мы отъ души желаемъ новому журналу дальнѣйшаго успѣха и многочисленныхъ читателей, не только среди такъ называемой «интеллигенціи» вообще, но также и изъ числа специалистовъ по разнымъ отраслямъ востоковѣднія, которыя такъ или иначе затрогиваются въ новомъ журналѣ. Мы убѣждены, что и такіе читатели найдутъ, уже и въ вышедшихъ книжкахъ, не мало интереснаго и поучительнаго. Оставляя въ сторонѣ статьи чисто беллетристическія, равно какъ и тѣ, которыя посвящены естественно-историческимъ сюжетамъ или же чисто мѣстнымъ «злобамъ дня», укажемъ читателямъ «Записокъ В. О.» между прочимъ на статьи по археологіи и исторіи Е. Смирнова «Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента» (Средняя Азія, стр. 111—136), М. Андреева «Мѣстности Туркестана интересныя въ археологическомъ отношеніи» (Средне-Азіатскій Вѣстникъ, май, стр. 16—28), Н. Лыкошина «Очеркъ археологическихъ изысканій въ Туркестанскомъ краѣ до учрежденія Туркестанскаго Кружка любителей археологіи» (Ср.-Аз. Вѣстн. июль, стр. 1—33), неизвѣстнаго автора «Русскій отрядъ въ пустынь, эпизодъ изъ Хивинскаго похода» (Средняя Азія, стр. 35—110), В. Бартольда «Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи» (Ср.-Аз. Вѣстн. июнь, стр. 20—33), Н. Н. Касьянова «Русская гребная флотилія на Амударьѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1873 г. и другія воспоминанія о Хивинскомъ походѣ» (Ср.-Аз. Вѣстникъ, июнь, стр. 34—54, августъ, стр. 55—62).

Одной изъ главныхъ задачъ новаго журнала слѣдуетъ конечно считать изслѣдованіе быта, внѣшняго и внутренняго, мѣстнаго мусульманскаго населенія. Въ этой области интересы науки совершенно совпадаютъ съ интересами практическими, и именно въ этой области мѣстные дѣятели могутъ, при соблюденіи извѣстныхъ пріемовъ, оказать наукѣ по истинѣ неоцѣнимую услугу. Редакция это повидимому вполне сознаетъ и въ числѣ статей мы дѣйствительно находимъ нѣкоторыя, посвященныя этой задачѣ. Таковы статьи: М. Мпроніева «Хаджъ—религіозное путешествіе мухамеданъ (*sic*)

въ Мекку» (Средняя Азія, стр. 137—167), Н. Дингельштедта «Невѣдомый міръ. Современные мусульмане» (Ср.-Аз. Вѣстн., мартъ, стр. 35—63, апрѣль, стр. 1—33, май, стр. 1—15), Ор. Шкапскаго «Положеніе женщины у кочевниковъ Средней Азіи» (Ср.-Аз. Вѣстн., июнь, стр. 1—19, іюль, стр. 34—53), Н. Лыкошина «Прокаженные въ Туркестанѣ и необходимость реформы въ ихъ призрѣніи» (тамъ же, августъ, стр. 1—34). Изъ нихъ статьи гг. Шкапскаго и Лыкошина исходятъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ самими авторами, и поэтому заслуживаютъ серьезнаго вниманія ¹⁾, хотя и можно сомнѣваться въ желательности или цѣлесообразности вторженія государственной власти въ обычное семейное право, котораго требуетъ г. Шкапскій. Статья г. Миропіева представляется намъ нѣсколько неумѣстной именно въ Средне-Азіатскомъ Вѣстникѣ. Она имѣетъ слишкомъ книжный характеръ. Сухой перечень безконечныхъ обрядовыхъ мелочей, приписываемыхъ мусульманскимъ закономъ при совершеніи *хаджа* въ Мекку едва ли можетъ представитъ какой бы то ни было интересъ для читателей. Вотъ если бы авторъ, опираясь на знаніе сартовскаго языка, вошелъ въ дружбу съ туземными *хаджіями*, возвратившимися изъ паломничества въ Мекку, и сообщилъ бы намъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ такими паломниками изъ Мекки, объ отношеніяхъ къ *хаджіямъ* остального населенія, то его статья имѣла бы выдающійся научный и не менѣе значительный практическій интересъ. Въ видѣ короткаго введенія къ такого характера статьѣ можно было бы на 2-хъ, 3-хъ страницахъ указать на главнѣйшіе моменты паломническаго церемоніала, чтобы ориентировать читателя. Но за всеѣмъ тѣмъ, если найдется среди читателей Средне-Азіатскаго Вѣстника такой, который одолѣетъ это описаніе обрядовъ, то онъ получитъ довольно основательное понятіе о *внѣшней* сторонѣ хаджа, что, хотя и принесетъ ему не много пользы, но крайней мѣрѣ не принесетъ ему и вреда, если не считать за вредъ пріученіе его къ скверному и неправильному, на татарскій ладъ, произношенію арабскихъ словъ и именъ собственныхъ. Къ сожалѣнію нельзя сказать того же о статьѣ г-на Дингельштедта, въ которой по нашему разумѣнію безусловно хорошо только заглавіе «Невѣдомый міръ. Современные мусульмане». Мы глубоко убѣждены, что для прочтавшихъ эту статью «современные мусульмане» останутся такимъ же «невѣдомымъ міромъ», какимъ они были прежде и какимъ они, судя по этой статьѣ, явля-

1) Особенно рекомендуемъ нашимъ читателямъ статью г-на Лыкошина, которая даетъ очень живое представленіе о бытѣ прокаженныхъ и формулируетъ очень практическія, повидимому, соображенія объ улучшеніи ихъ быта.

ются и для самого автора. Приговоръ этотъ можетъ показаться черезъ-чуръ строгимъ, но дѣлать нечего . . .

Статья написана съ большими претензіями на безпристрастность, широту взглядовъ, критическій анализъ, опирающійся на богатый фактический матеріалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ необыкновенною развязностью, поразительнымъ незнаніемъ самыхъ элементарныхъ истинъ и очень дешевымъ остроуміемъ. Не угодно-ли напр. послушать, какъ г-нъ Д. начинаетъ свою статью: (Ср.-Аз. Вѣст. мартъ, стр. 35).

«Я большой, хотя и не восторженный любитель Востока. Я совершенно не вѣрю, что свѣтъ придетъ съ востока и, въ особенности, что онъ придетъ съ нашего русскаго востока и думаю, что свѣтъ долженъ придти туда, а не оттуда, и что придетъ онъ съ запада. Я очень уважаю самобытныя формы культуры, но уваженіе это не мѣшаетъ мнѣ трезво и безпристрастно оцѣнивать разныя культуры и не превозносить какую либо изъ нихъ только за одну самобытность, ибо одного этого мало.

Проживъ много лѣтъ на востокѣ и азіатскихъ нашихъ окраинахъ, я ощущаю большое желаніе познакомить читающую публику съ малозвѣстнымъ ей міромъ нашихъ восточныхъ и преимущественно мусульманскихъ соотечественниковъ и для того, чтобы съ нѣкоторымъ успѣхомъ выполнить эту задачу, у меня имѣется и достаточный матеріалъ, но я смущаюсь такой большой задачей и, памятуя изреченіе *qui trop embrasse mal étreint*, долженъ буду ограничиться изображеніемъ только немногихъ сторонъ восточной жизни.

Я далекъ отъ всякой огульной критики, далекъ отъ мысли пронизировать и осмѣивать восточныхъ людей или восточный образъ жизни и менѣе всего желалъ бы задѣть нравственное и религіозное чувство нашихъ мусульманъ и касаться ихъ «святая святыхъ». Я буду держаться фактической почвы и тѣхъ матеріаловъ, которые находятся у меня въ распоряженіи, присоединя къ нимъ мои посильныя объясненія, а выводы придутъ сами собой».

При ближайшемъ ознакомленіи съ самой статьей оказывается, что весь матеріалъ, которымъ располагаетъ авторъ, заключается не въ собственныхъ наблюденіяхъ, собранныхъ благодаря близкому, долготѣнному знакомству съ внѣшнею и духовной стороною жизни современныхъ средне-азіатскихъ мусульманъ, а исключительно только въ переводѣ корана Саблукова и весьма посредственномъ, сдѣланномъ съ англійскаго, переводѣ «Хидаи», изданномъ стараніями генерала Гродекова въ Ташкентѣ. Последнее сочине-

ніе г-нъ Д. повидимому считаєть за коментарій къ Корану¹⁾, такъ какъ онъ очень часто приводитъ миѣнія мусульманскихъ заковѣдовъ, называя ихъ толкователями корана. Коранъ по миѣнію автора (мартъ, стр. 36) толкуется уже семьсотъ лѣтъ и все еще не растолкованъ въ полной мѣрѣ. Отъ чего именно *семьсотъ* лѣтъ? Не отъ того-ли, что Хидая написана *приблизительно* 700 лѣтъ тому назадъ? Вѣдь г-нъ Д. вѣроятно знаетъ, что мы теперь живемъ въ 1314 году гижры. Если коранъ начали толковать только 700 лѣтъ тому назадъ, то спрашивается, чѣмъ же руководствовались мусульмане первые 600 лѣтъ существованія ислама? Право же толковать коранъ, какъ въ точности извѣстно г-ну Д.²⁾, принадлежить «только лицамъ на то уполномоченнымъ самимъ кораномъ». За это открытіе наши интеллигентные мусульмане, гг. Гаспринскіе, Баязитовы и т. д. будутъ не мало благодарны г-ну Д. и простятъ ему много грѣховъ. Вѣдь если въ коранѣ за 600 лѣтъ до начала толкованій даются полномочія на этотъ предметъ какой-нибудь группѣ людей и затѣмъ дѣйствительно эта самая группа и начинаетъ заниматься этимъ дѣломъ, то коранъ не можетъ быть произведеніемъ простаго смертнаго. . . . Да простятъ мнѣ читатели это маленькое отступленіе: я только хотѣлъ показать, до какихъ неожиданныхъ абсурдовъ доводитъ незнаніе хронологіи арабской литературы. Тутъ и «критическо-философское отношеніе» не помогаетъ и Бокль и Дреперъ, на которыхъ любятъ ссылаться авторъ, не выручаютъ.

Наполнивъ стр. 37—47 разными мудрствованіями, буквально кишачими всевозможными недоразумѣніями и громкими, ничего не значащими фразами, авторъ заявляетъ (стр. 47):

«Чтобы лучше ориентироваться въ ученіи Магомета, оставимъ пока въ сторонѣ всѣ толкованія на коранъ, всмотримся нѣсколько ближе въ значеніе самого корана и постараемся нѣсколько пояснить сущность его содержанія.

«Въ коранѣ 114 главъ, уменьшающихся въ своей длинѣ по мѣрѣ приближенія къ концу, какъ будто вдохновеніе автора изсякаетъ по мѣрѣ писанія, — хотя, по преданіямъ, коранъ преподанъ Магомету почти одновременно, во всей полнотѣ, и, слѣдовательно, онъ не изготовлялся (*sic. Rec.*) по главамъ и явился цѣликомъ и притомъ по вдохновенію.

1) См. напр. апрѣль, стр. 23: «Особенно подробно толкователи корана останавливаются на вопросѣ, какіе взгляды и взаимныя прикосновенія мужчины и женщины пристойны или непристойны». И затѣмъ приводятся разныя относящіяся сюда извлеченія изъ Хидая. Такихъ примѣровъ множество.

2) Мартъ, стр. 36.

Есть главы, заключающія въ себѣ не болѣе пяти строкъ и есть очень длинныя и пространныя. Прежде всего въ коранѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что въ числѣ оглавленій тамъ встрѣчается много трудно понимаемыхъ названій и происхожденіе этихъ названій можно объяснить или только совершенно произвольнымъ желаніемъ самого пророка или его толкователей, назвать главу тѣмъ или другимъ словомъ или выраженіемъ, такъ какъ самое содержаніе главъ болышею частью совсѣмъ не соответствуетъ ихъ названію».

Такими же глубокомысленными разсужденіями о коранѣ авторъ наполняетъ стр. 47—63 мартовской книжки «Вѣстника». Корану и бѣдному Мухаммеду при этомъ достается не мало. Съ высоты человѣка, читавшаго Бокля и Дрепера, вооруженнаго пресловутымъ послѣднимъ словомъ науки, онъ громитъ и коранъ и его злополучнаго автора. Въ коранѣ, читаемъ мы напр. на стр. 49-й, «встрѣчается достаточное количество болѣе или менѣе явныхъ несообразностей и очевидныхъ нелѣпостей, объясняемыхъ скорѣе всего недостаточнымъ просвѣщеніемъ, а вѣрнѣе совершеннымъ невѣжествомъ пророка» . . . «Что это», восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 50), «какъ не свидѣтельство о невѣжествѣ или суевѣріи приведенныя выше изреченія, касающіяся вопроса о созданіи человѣка или объясненія глухонѣмоты или напимѣръ такое увѣреніе, что, будто бы обезьяны суть ничто иное, какъ люди, наказанные за своеволие (гл. 7-я, ст. 166)» и т. д.

Мы могли бы привести еще множество подобныхъ же удивительныхъ тирадъ, но боимся, какъ бы читатели Записокъ В. О. не поспѣвали на насъ уже и теперь за то, что мы привели эти немногія выдержки. Опроверженія всѣ эти позренія г-на Д. не заслуживаютъ ¹⁾. Выводъ изъ нихъ можетъ быть лишь одинъ, именно, что г-нъ Д. взялся писать о предметѣ, въ которомъ онъ самъ ровню ничего не понимаетъ. А если это такъ, то и изъ чтенія его статьи неопытнѣйшій читатель вынесетъ не пользу, а вредъ. Онъ получитъ не ясное представленіе о Коранѣ, какое г-нъ Д. обѣщалъ дать «не только нашимъ окраиннымъ читателямъ, но и прочимъ обитателямъ нашего отечества» (стр. 47), но совершенно превратное. Можно конечно надѣяться, что основная фальшь во всемъ построеніи взгляда г-на Д. на Коранъ безъ труда будетъ по достоинству оцѣнена громаднымъ большинствомъ его читателей: она слишкомъ бросается въ глаза. Но тутъ есть другая опасность и она-то и побудила насъ взяться за перо. Вотъ въ чемъ дѣло.

1) «*Opus probandi*» лежитъ не на томъ, кто утверждаетъ, что $2 \times 2 = 4$, а на томъ, кто говоритъ, что дважды два больше или меньше четырехъ.

Покончивъ съ кораномъ, г-нъ Д. въ книжкахъ Среднеазіатскаго Вѣстника за апрѣль и май разсуждаетъ о разныхъ сторонахъ мусульманской жизни, преимущественно о семейномъ и торговомъ правѣ, о томъ, что пристойно и непристойно и т. д., на основаніи Хидая, которую, какъ уже выше было замѣчено, слѣдуетъ разумѣть всегда, когда онъ говоритъ о «толкователяхъ Корана». Разсуждаетъ онъ обо всемъ этомъ съ тономъ глубокаго знатока и съ большимъ апломбомъ. Вотъ мы и боимся, какъ бы «авторитетъ» г-на Д. ¹⁾, пишущаго много и въ столпчныхъ журналахъ, не подѣйствовалъ на мѣстныхъ дѣятелей и не вызвалъ съ одной стороны желаніе подражать ему и, путемъ выборки изъ Хидая разныхъ курьезовъ и казусовъ, «освѣщать» еще другія стороны «невѣдомаго міра», а съ другой не отбилъ бы охоту производить наблюденія надъ жизнью туземцевъ и сообщать объ этихъ наблюденіяхъ, въ томъ предположеніи, что «невѣдомый міръ» уже достаточно «освѣщенъ» г-мъ Дингельшtedтомъ. Въ первомъ случаѣ они потратятъ свое время совершенно напрасно, во второмъ же они лишатъ науку самаго драгоценнаго для нея матеріала и самихъ себя высокаго наслажденія, связаннаго съ сознаніемъ, что принимаешь дѣятельное и замѣтное участіе въ обогащеніи сокровищницы человѣческихъ знаній.

Мусульманское законовѣдѣніе, *фихъ*, или, чтобы употребить болѣе извѣстное у насъ, хотя и не вполне синонимное, названіе *шаріатъ*, не въ укоръ будь сказано г-ну Дингельшtedту, благодаря историческимъ условіямъ его развитія далеко не является безусловнымъ и единственнымъ регуляторомъ современной мусульманской жизни, какъ онъ имъ не былъ и въ прежнія времена. *Шаріатъ* въ весьма значительной степени является лишь теоретическимъ построеніемъ, идеаломъ, который себѣ создали благочестивые мусульманскіе законовѣды. *Шаріатъ* поэтому гораздо больше учитъ насъ тому, какъ мусульманинъ *долженъ* былъ бы жить и дѣйствовать, чѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности жилъ и живетъ въ данное время. Изученіе *шаріата* и его постепеннаго развитія конечно представляетъ большой научный интересъ, но думать, что поверхностнымъ или хотя бы даже и глубокимъ знаніемъ *шаріата* можно проникнуть въ тотъ «невѣдомый міръ», который намъ хотѣлъ раскрыть г-нъ Д., роковая и глубокая ошибка. Въ общихъ чертахъ постановленія *шаріата* давно уже достаточно извѣстны ²⁾, почему, строго говоря, не было никакой надобности тратить время и деньги на

1) Охотно вѣримъ, что г-нъ Д. когда пишетъ *не* о коранѣ или современныхъ мусульманахъ, вполне авторитетенъ и надеженъ.

2) Хотя бы изъ сочиненій барона Торнау (для шитскаго закона) и Фанъ-ден-Берга «Основныя начала мусульманскаго права». Переводъ проф. В. Гиргаса. Спб. 1832.

Хидаю, такъ какъ громадная масса всего заключающагося въ ней казуистическаго матеріала способна только уничтожить въ неспеціалистахъ всякій интересъ къ изученію *шаріата*. Насколько собственно теоретичны постановленія *шаріата* видно изъ того, что едва-ли не во всѣхъ мусульманскихъ странахъ весьма значительная часть ихъ фактически нѣкогда не соблюдалась, и что, вообще говоря, крѣпко они держатся преимущественно въ области семейнаго права и всего того, что касается релігіозныхъ обрядовъ.

Но какія въ точности постановленія *шаріата* на практикѣ въ различныхъ мусульманскихъ странахъ совершенно упразднены, какія въ цѣлости или отчасти еще соблюдаются, это требуетъ тщательныхъ изслѣдованій на мѣстѣ и такія изслѣдованія представляются не только желательными, но и крайне необходимыми какъ для науки, такъ и для успѣшнаго управленія населеннымъ мусульманами краемъ. Да не смутитъ слово «изслѣдованіе» мѣстныхъ дѣятелей. Для такихъ «изслѣдованій» не нужно никакой книжной учености, не нужно ни знанія корана, ни Хидаю, ни Бокля, ни Дрепера. Но нужно хорошее практическое знаніе мѣстнаго языка, нужно умѣніе списать расположеніе и довѣріе различныхъ классовъ мѣстнаго туземнаго населенія, нужны наблюдательность и терпѣніе. Спору нѣтъ, что если ко всѣмъ этимъ качествамъ еще присоединяется знаніе арабскаго языка и знакомство съ ходячими «преданіями», съ обрядами и другими постановленіями *шаріата*, то это значительно облегчатъ задачу, но при имѣніи на лицо остальныхъ условій, можно и обойтись безъ всего этого. Производя систематически въ теченіе многихъ лѣтъ подобныя «изслѣдованія» или наблюденія дѣйствительной жизни дадутъ тотъ фактический матеріалъ, безъ котораго всѣ разсужденія пусты. Сравненіе собраннаго такимъ образомъ матеріала съ тѣми постановленіями, которыя содержатся въ книгахъ, можетъ быть произведено и въ тиши кабинета. Для этого дѣла, конечно, требуется основательное знаніе арабскаго языка и спеціальной литературы законовѣдѣнія. Такое раздѣленіе труда принесетъ богатые плоды. Исчезнетъ напр. тотъ почти суевѣрный страхъ, который не одинъ администраторъ ощущалъ предъ словомъ *шаріатъ*. Окажется, что весьма многое, что считается или выдается муллами за *шаріатъ*, или даже и входитъ дѣйствительно въ *шаріатъ*, въ массахъ народныхъ уже не считается за *шаріатъ* и что, напротивъ того, другое, не имѣющее ничего общаго съ *шаріатомъ*, признается народомъ за святыню, которую нельзя трогать . . . Дальше такія наблюденія покажутъ, кого собственно слѣдуетъ считать настоящими духовными вождями народа, которымъ онъ вѣритъ и слѣдуетъ, официальныхъ-ли представителей *шаріата*, въ родѣ разныхъ муллъ, казіевъ

и т. д. или же представителей дервишскихъ орденовъ, ишановъ¹⁾ и тому подобнѣхъ лицъ. Все это одинаково важно и для науки и для жизни, все это могутъ узнавать только мѣстные дѣятели, и для узнаванія всего этого, повторяемъ, никакой книжной, кабинетной учености не требуется. Настоятельная по этому и убѣдительнѣйшая наша просьба къ мѣстнымъ дѣятелямъ: не уставать работать въ указанномъ направленіи, а къ редакціи новаго журнала: широкое гостепрѣимство оказывать такимъ именно работамъ. Тогда со временемъ будетъ дѣйствительно снята завѣса съ «невѣдомаго міра», — и честь и слава тѣмъ, кто потрудится для этой благородной дѣлы.

В. Р.

244. სიბრძნე ბალავარის ე. თაყაიშვილის რედაქტორობით. გამოცემა ქართველთა ამხანაგობის № 30, ტფილისი 1895.

[Мудрость Балавара подъ редакціею Е. Такаи-швили. Изданіе грузинскаго товарищества. № 30, Тифлисъ 1895 г.], стр. 157.

Наконецъ появился въ печати давно ожидаемый подлинный текстъ грузинскаго извода повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ, извѣстнаго подъ названіемъ «Мудрость Балавара». Изданіе сдѣлано въ Тифлисъ грузинскимъ издательскимъ обществомъ подъ редакціею члена-сотрудника нашего общества — Евонмія Такаи-швили. Редакторъ снабдилъ изданіе четырьмя приложеніями и однимъ сняткомъ, представляющимъ страницу наиболѣе древняго рукописнаго списка «Мудрости Балавара».

Четвертое приложеніе, оно же послѣсловіе, заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи изученія повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ, не имѣющей для насъ интереса, такъ какъ въ основѣ его лежитъ исключительно извѣстная рецензія²⁾ бар. В. Р. Розена на изслѣдованіе Zotenberg'a и маленькая моя замѣтка³⁾ о грузинской версіи душеполезной исторіи. Всѣ послѣдующія работы редактору, повидному, остались неизвѣстны.

Третье приложеніе подъ заглавіемъ «Толкованіе нѣкоторыхъ словъ»

1) Отъ всей души присоединяемся къ глубоковѣрнымъ и шѣткимъ словамъ почтеннаго редактора Ср.-Аз. Вѣстника, Е. Т. Смирнова, о необходимости изученія *мѣстной* дервишизма. См. апрѣль, стр. 130. Но и тутъ конечно требуется не столько описаніе обрядовъ и внѣшней стороны дѣла, сколько изученіе внутренняго смысла и духовной стороны его. Поэтому дѣло это весьма трудное, хотя далеко не невозможное. Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что противопоставляя *шариатъ* дервишизму я отнюдь не отрицаю того общезвѣстнаго факта, что въ извѣстной мѣрѣ дервишизмъ входитъ въ систему ортодоксальнаго ислама. Это вѣдь и есть одна изъ уступокъ, которые *теорія* была вынуждена сдѣлать *жизни*.

2) З. В. О., т. II, стр. 166—174.

3) З. В. О., т. III, стр. 223—260.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

1901.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1902.

Отзывъ о премированныхъ сочиненіяхъ.

Орнаменты горныхъ Таджикивъ Дарваза (Нагорная Бухара). Москва. 1900. Графа **А. А. Бобринскаго**.

Настоящее изданіе есть результатъ путешествія въ Бухару, совершеннаго графомъ А. А. Бобринскимъ въ 1898 году. Изъ этого путешествія графъ Бобринскій привезъ съ собою нѣсколько разнообразныхъ этнографическихкихъ и археологическихкихъ коллекцій, но едва-ли не самую важную и интересною является коллекція вышивокъ и вязаній, собранныхъ имъ въ Дарвазѣ (Нагорной Бухарѣ). Эти вышивки и вязанья имѣютъ для нашей науки чрезвычайно важное значеніе: онѣ представляютъ многочисленныя образцы такого орнамента, который находится и на русскихкихъ вышивкахъ и вязаньяхъ, существующихъ въ нашемъ отечествѣ съ очень древнихъ временъ. Этого рода производства таджиковъ были до сихъ поръ совершенно неизвѣстны и вообще въ Европѣ, и спеціально у насъ; теперь-же, благодаря изданію гр. Бобринскаго, таджикскій орнаментъ становится доступенъ всѣмъ, и даетъ возможность какъ для разнообразныхъ сравненій, такъ и для многообобщающихъ выводовъ.

Книга гр. А. А. Бобринскаго состоитъ изъ атласа, заключающаго 20 большихъ таблицъ (изъ нихъ 5 исполнены цвѣтною, и 15 черною фототипіей, въ мастерской г. Павлова въ Москвѣ). Рисунки эти представлены съ такою старательностью и точностью, что даютъ возможность изучать съ полнѣйшею подробностью, во всѣхъ самоналѣйшихъ деталяхъ, орнаментъ иногда очень сложный, и на первый взглядъ кажущійся запутаннымъ и необъяснимымъ.

Русскій шитый и вязаный орнаментъ представляетъ собою одну изъ

интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ сторонъ древней художественной дѣятельности нашего народа. Этотъ орнаментъ съ первыхъ эпохъ исторической нашей жизни украшалъ одежду русскаго народа, какъ мужскую, такъ и женскую, ихъ рубахи, головные женскіе уборы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предметы домашняго обихода ихъ, полотенца, простыни, наволочки, передники и т. д. Подобныя вышивки и вязанія существуютъ не у однихъ русскихъ, но также и у разныхъ другихъ народовъ, европейскихъ и азіатскихъ, но нельзя не замѣтить, что русскіе узоры во многомъ превосходятъ (сколько до сихъ поръ извѣстно) — всѣ остальные, какъ обиліемъ своихъ категорій, такъ и необыкновеннымъ разнообразіемъ и разносторонностью своихъ формъ и сюжетовъ. Поэтому-то изученіе этого рода художественнаго народнаго творчества представляетъ особый интересъ, вообще, а для насъ, спеціально, является особо важною обязанностью.

Изучать русскій народный шитый и вязаный орнаментъ начали во второй половинѣ XIX-го столѣтія, и теперь уже установлено съ достаточною достовѣрностью, на основаніи многочисленныхъ памятниковъ старины, что этотъ орнаментъ не можетъ считаться созданіемъ самого русскаго народа, но въ коренныхъ, основныхъ формахъ своихъ происходитъ изъ Азіи, и оттуда перешелъ ко многимъ народамъ, живущимъ нынѣ одни въ Европѣ, другіе — въ Азіи. Этотъ орнаментъ находится въ большомъ употребленіи у финскихъ племенъ Европы и Сибири, у различныхъ среднеазіатскихъ народовъ, у монголовъ, наконецъ и у различныхъ племенъ иранскихъ. Для сравненія нашего шитаго и вязанаго орнамента съ подобнымъ-же орнаментомъ финскимъ, мы имѣли до сихъ поръ достаточное количество матеріаловъ, какъ на финскихъ подлинныхъ костюмахъ и другихъ предметахъ домашняго обихода, хранящихся во многихъ нашихъ музеяхъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ, сверхъ того, и въ превосходно изданныхъ атласахъ. Таковы напримѣръ атласы, изданные Финскимъ Литературнымъ Обществомъ (Schvindt, «Finnische Ornamente. Stickornamente». 1895), Финско-Угорскимъ Обществомъ (Heikel, «Trachten und Muster der Mordwinen». 1899). Для сравненія нашего шитаго и вязанаго орнамента съ подобнымъ-же орнаментомъ среднеазіатскимъ, мы имѣли, точно также, достаточные матеріалы въ прекрасномъ изданіи Сямакова: «Искусство Средней Азіи». 1882. Для сравненія нашего шитаго и вязанаго орнамента съ подобнымъ орнаментомъ у другихъ славянскихъ племенъ мы имѣли достаточные матеріалы въ прекрасныхъ изданіяхъ Лая «Süd-Slavische Ornamente» 1871. и издавное Солданомъ собраніе вышивокъ словацкихъ (въ Австрійскихъ владѣніяхъ). При этомъ оказывалось, что, кромѣ самихъ русскихъ, этотъ орнаментъ существуетъ у прочихъ славянскихъ племенъ, въ большинствѣ

случаевъ, въ формахъ крайне изувѣченныхъ, искаженныхъ и ограниченныхъ. Но у насъ, до сихъ поръ, не было на лицо элементовъ франскаго орнамента въ формахъ шитья и вязанья.

Родство русскаго орнамента съ орнаментомъ франскихъ племень было очевидно, но этотъ послѣдній орнаментъ былъ до сихъ поръ намъ извѣстенъ преимущественно по орнаментамъ на созданіяхъ архитектурныхъ: на мусульманскихъ мечетяхъ, на похоронныхъ капеллахъ, на дворцахъ и другихъ зданіяхъ. Предметовъ вышитыхъ и вязаныхъ, у этихъ народностей не было извѣстно.

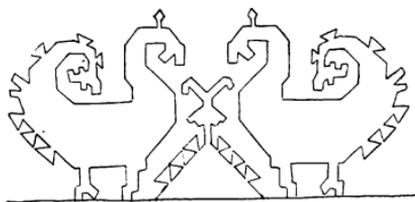
Открытые же нынче многочисленныя шитые и вязанные предметы изъ обихода иранскихъ народовъ¹⁾, изданные графомъ А. А. Бобринскимъ, богато восполняютъ существовавшій до сихъ поръ пробѣлъ, и даютъ возможность вполне удовлетворительно продолжать и расширить изученіе по этой части.

Шитый и вязаный орнаментъ, являющійся намъ на костюмахъ финновъ — принадлежитъ преимущественно къ категоріи орнамента геометрическаго и ботаническаго. Фигуры птицъ встрѣчаются здѣсь лишь въ рѣдчайшихъ случаяхъ (и являются, быть можетъ, слѣдствіемъ прямого заимствованія отъ сосѣднихъ племень), изображенія-же животныхъ, звѣрей, человѣка и, наконецъ, зданій, — отсутствуютъ вовсе.

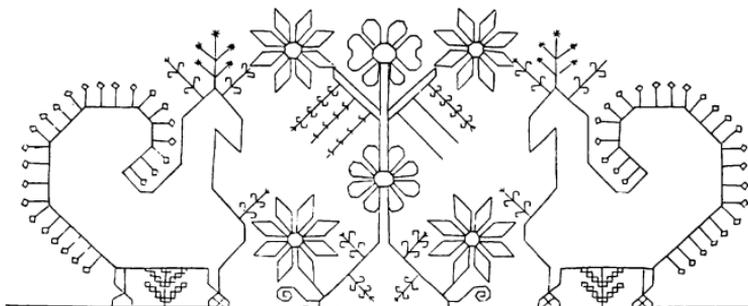
Шитый орнаментъ, извѣстный намъ на предметахъ обихода среднеазиатскихъ народовъ тюркскаго племени — принадлежитъ преимущественно къ категоріи орнамента геометрическаго, ботаническаго и, сверхъ того, представляетъ намъ нерѣдко фигуры животныхъ, звѣрей и самого человѣка. Но птицы отсутствуютъ почти вовсе, или являются въ видѣ рѣдкихъ исключеній.

Что же касается до шитаго и вязанаго орнамента на предметахъ домашняго обихода иранскихъ племень, какъ мы его узнаемъ нынче изъ коллекціи, вывезенной изъ Бухары графомъ А. А. Бобринскимъ, — то этотъ орнаментъ является, вмѣстѣ съ русскимъ — орнаментомъ самымъ богатымъ, разнообразнымъ и разностороннимъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь и орнаментъ *геометрической*, въ безчисленныхъ сочетаніяхъ пересѣкающихся или соприкасающихся прямыхъ линій, и въ многочисленнѣйшихъ сочетаніяхъ линій кривыхъ и круглыхъ, — и орнаментъ *ботанической*, (рис. А. Б.) и орнаментъ *зоологической* — фигуры птицъ, животныхъ, (рис. А. Б. В. Г.) и самого человѣка (рис. Д. и Е.) отсутствуютъ только архитектурныя зданія (фантастическія и реальныя), которыми такъ богаты вышивки русскія.

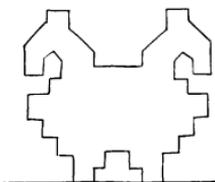
1) Таджики, какъ извѣстно, одно изъ иранскихъ племень.

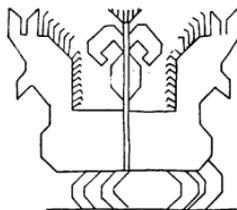
Рисунокъ А.
графъ Бобринскій: «Орнаментъ Таджиковъ Дарваза».
Таблица IV.

Рисунокъ Б.
В. Стасовъ: «Русскій орнаментъ». Листъ 41, № 183.

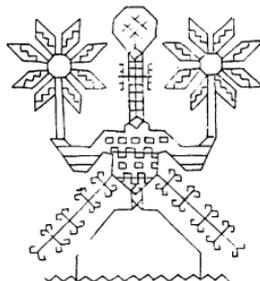
Рисунокъ В.
графъ Бобринскій: Таблица XVIII.

Рисунокъ Г.
В. Стасовъ: Листъ 63, № 187.

Рисунокъ Д.
графъ Бобринскій: Таблица X.

Рисунокъ Е.
В. Стасовъ: Листъ 57, № 169.

До сихъ поръ орнаментъ иранскихъ племенъ и народностей не былъ извѣстенъ намъ на предметахъ вышитыхъ и вязанныхъ, а потому, по необходимости приходилось прибѣгать, для сравненія съ орнаментомъ русскимъ, къ орнаменту архитектурныхъ зданій иранскихъ; персидскіе же тканые ковры, столь знаменитые своей красотой и разнообразіемъ, почти всею массою своею относятся, по орнаменту, къ періоду мусульманскому, и мало имѣютъ общаго съ тѣмъ древнѣйшимъ періодомъ иранскаго искусства, который является представителемъ вѣрованій еще языческихъ — а у всѣхъ народовъ, древніе вышитые и плетеные узоры принадлежатъ, въ наибольшей своей массѣ, именно къ періодамъ вѣрованій языческихъ. Но въ настоящую минуту, послѣ открытій гр. Бобринскаго, въ нашихъ рукахъ находится цѣлая масса образцовъ иранскаго орнамента шитаго и вязанаго, который прямо относится, по происхожденію своему, къ періоду языческому, и имѣетъ самое близкое сходство съ древнѣйшимъ русскимъ орнаментомъ, шитымъ и вязанымъ. Въ обихъ мы встрѣчаемъ тѣ самые узоры *геометрическіе*, линейные кресты и звѣзды, тѣ самые узоры *ботаническіе* (цвѣты и вѣточки, дерева на треугольныхъ подпоркахъ или основаніяхъ, гирлянды и кустыки), которые намъ столько извѣстны на нашихъ вышивкахъ; наконецъ, встрѣчаемъ безчисленные изображенія «пѣтуха», которыя такъ сильно характеризуютъ весь древній русскій орнаментъ, не только шитый и вязаный, но и весь архитектурный. Такого преобладанія «пѣтуха» мы не встрѣчаемъ не только у финскихъ и среднеазиатскихъ народовъ тюркскаго племени, но даже у соплеменныхъ и столько близкихъ намъ народовъ славянскихъ (сербовъ, болгаръ, словаковъ, моравянъ и т. д.). Изображеніе «пѣтуха» составляетъ особенное отличіе и характерный элементъ орнамента иранскаго и русскаго. Какъ у насъ, такъ и у иранцевъ, «пѣтухи» являются на вышивкахъ то одиночными фигурами, то рядами фигуръ, поставленныхъ въ одну линію, то, наконецъ, парами, разставленными по обѣ стороны центрального деревца, имѣющаго, по всему вѣроятію, значеніе религіозное. Наконецъ, какъ въ русскомъ, такъ и въ новооткрытомъ орнаментѣ иранскомъ, мы находимъ изображенія человѣческихъ фигуръ, съ раздвинутыми и приподнятыми вверхъ руками, держащими цвѣты и вѣтки — вѣроятно изображеніе съ религіознымъ характеромъ. Такихъ изображеній не существуетъ ни у финновъ, ни у среднеазиатскихъ тюрковъ, ни у славянскихъ народностей: они существуютъ только у иранцевъ и у русскихъ.

Въ атласѣ графа Бобринскаго иранскіе (таджикскіе) орнаменты взяты, главнымъ образомъ, съ женскихъ личныхъ занавѣсокъ или чадръ — предметовъ костюма, не существующихъ ни у финновъ, ни у средне-азиатскихъ тюркскаго племени, ни у русскихъ, ни у славянъ; но въ текстѣ графа

Бобринскаго сказано, что эти самые орнаменты встрѣчаются также на воротахъ, рукавахъ, наплечьяхъ, на груди женскихъ рубахъ, на головныхъ и шейныхъ лентахъ, и, наконецъ, на полотенцахъ и платкахъ. Такимъ образомъ, этимъ орнаментомъ украшаются тѣ самыя категории предметовъ, которыя украшаются (цѣликомъ или по частямъ) имъ и у финновъ, и у среднеазіатовъ тюркскаго племени, и у русскихъ (частью и у славянъ западныхъ и югозападныхъ). И всѣ эти орнаменты выполняются, у каждой народности, своимъ особымъ матеріаломъ: у финновъ бумагой и шерстью, иногда шелками, у среднеазіатовъ тюркскаго племени — шелками, у русскихъ и славянъ — бумагой, у францевъ-же (таджиковъ) — разнообразнѣйшими разнообразнѣйшими шелками.

Но у таджиковъ находится въ употребленіи еще одна особая категория предметовъ, на которыхъ орнаментъ — одной категоріи съ орнаментомъ на перечисленныхъ выше предметахъ, но самые предметы — столько же особенны, исключительны, какъ личные заповѣски или чадры. Это шерстяные чулки и перчатки горныхъ таджиковъ. Ни тѣхъ, ни другихъ неизвѣстно у славянскихъ племенъ, но извѣстны они у разныхъ финскихъ племенъ, какъ въ Сибиря, такъ и у западно-финскихъ племенъ, живущихъ у насъ въ Россіи, при чемъ отличаются разными мѣстными особенностями орнамента. Про азіатскіе шерстяные чулки графъ А. А. Бобринскій замѣчаетъ: «По всему востоку распространены шерстяные узорчатые носки, но они сильно различаются отъ горныхъ чулокъ какъ по размѣрамъ, такъ и по рисунку, и поэтому ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ горными чулками настоящей коллекціи, составляющими характерное произведеніе горцевъ Нагорной Бухары и Сѣверо-Западной Индіи»; — «узоры ихъ, хотя и встрѣчаются, по частямъ, на восточныхъ издѣліяхъ по времени крайне различныхъ и всевозможнаго происхожденія (на коврахъ и матеріяхъ Кашгара, Кашмира, Индіи, Авганистана, Персіи и Туркестана), но все же мы вправѣ сказать, что они, благодаря своеобразному сочетанію этихъ отдѣльных частей и оригинальному виду украшенныхъ имъ предметовъ, имѣютъ свой особый отпечатокъ, свой собственный стиль, стиль горныхъ таджиковъ».

Вотъ этотъ-то особенный, оригинальный стиль, имѣющій столько сходства и родства со стилемъ древнѣйшихъ русскихъ вышивокъ и вязаній, является теперь, взятый во всей своей совокупности, новымъ элементомъ для русской науки, русской этнографіи, русскаго народовѣдѣнія. Дѣло идетъ тутъ не объ одной только сторонѣ технической, индустриальной, не объ одной только сторонѣ орнаментальной и художественной, а о разнообразныхъ элементахъ и коренныхъ вліяніяхъ, дѣйствовавшихъ въ древнѣйшія времена на образованіе состава и физіономіи древней культурной Русс. А

дѣло это въ высокой степени важное и значительное, и общаетъ, несомнѣнно, въ будущемъ, очень интересныя и плодотворныя результаты.

Заключеніе.

Текстъ книги гр. А. А. Бобринскаго не содержитъ полнаго и всесторонняго изслѣдованія возникающихъ, изъ рассмотрѣнія атласа, вопросовъ. Подобно самимъ рисункамъ этого атласа, этотъ текстъ является лишь собраніемъ матеріаловъ, а также важныхъ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, относящихся къ этимъ матеріаламъ. Графъ А. А. Бобринскій сообщаетъ извѣстія о географическомъ положеніи страны и мѣстности, населенной таджиками; извѣстія о времени и обстоятельствахъ прихода таджиковъ въ эту страну; свѣдѣнія о ихъ индустріи, характерѣ ихъ производства; наконецъ, свѣдѣнія о прежнихъ и нынѣшнихъ матеріалахъ, употребляемыхъ на производство орнаментовъ и узоровъ на различныхъ предметахъ костюма и другихъ объектахъ домашняго обихода таджиковъ. Всѣ эти свѣдѣнія, въ своей совокупности, присоединяясь къ превосходному атласу, придаютъ ему новое значеніе. А если принять во вниманіе, что этотъ атласъ могъ явиться на свѣтъ лишь благодаря дальнему, и сложному, и много-стоющему путешествію въ дикія страны, куда лишь въ видѣ необыкновенныхъ и рѣдчайшихъ исключеній проникали европейцы, — то я считалъ бы справедливымъ, со стороны Императорскаго Археологическаго Общества, присудить графу А. А. Бобринскому медаль Общества.

В. Стасовъ.